

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зубов М.Д. Специфика синтаксического выражения семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74870 EDN: SCEEDF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74870

Специфика синтаксического выражения семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка

Зубов Максим Дмитриевич

преподаватель; кафедра испанского языка и перевода; Московский государственный лингвистический университет
аспирант; кафедра испанского языка и перевода; Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, Москва, г. Москва, ул. Остоженка, 38, ауд. 115

✉ zuboffmaksim@yandex.ru

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74870

EDN:

SCEEDF

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2025

Дата публикации:

20-06-2025

Аннотация: Предметом исследования данной научной статьи являются синтаксические средства выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка на фоне сопоставления с современным нормативным испанским языком. Автор уделяет особое внимание практическому применению последовательного механизма определения и презентации средств вербализации рассматриваемой категории путем их описания специализированными схемами в соответствии с «Теорией функционального синтаксиса» А.Мустайоки. Цель исследования – выявить расхождения в способах языкового выражения анализируемого поля посессивности в андском диалекте и современном нормативном испанском языке путем проведения сопоставительного анализа их глубинных (семантических) и

поверхностных (синтаксических) структур. Установление подобных отличий станет основой для анализа факторов формирования отклоняющихся синтаксических конструкций в рамках андского диалекта, а также рассмотрения различных вариантов их узуса. Для осуществления сравнительного обзора синтаксических конструкций автором исследования были отобраны примеры из нескольких корпусов испанского языка, испаноязычных средств массовой коммуникации, а также корпусов, представленных в различных научных исследованиях, посвященных синтаксису андского диалекта испанского языка. Общий объем материала составил 1500 единиц. Новизна настоящего исследования обусловлена тем, что в нем впервые был произведен функционально-синтаксический анализ семантической категории со значением «Обладание», а также осуществлено сопоставительное изучение как глубинных, так и поверхностных структур ее вербального воплощения на примере андского диалекта и современного нормативного испанского языка. Автор исследования пришел к следующим выводам: 1) в рамках синтаксических структур посессивности андского диалекта испанский язык может адаптировать несвойственный для него базовый порядок слов, что обусловлено влиянием индейских языков кечуа и аймара; 2) в рамках простых притяжательных конструкций андского диалекта агглютинативные аффиксы калькируются в испанский язык в виде предлогов и притяжательных местоимений, что создает такой феномен синтаксического уровня, как «двойная посессия»; 3) отклоняющиеся от нормы синтаксические конструкции могут представлять собой не только предмет нейтральной языковой традиции, но и обладают прагматическим, коммуникативным и дискурсивным потенциалом.

Ключевые слова:

ядерная семантическая структура, обладание, посессивность, функциональная лингвистика, функционально-семантический синтаксис, функционально-синтаксический анализ, сопоставительный анализ, андский диалект, испанский язык, ономасиологический подход

Введение

Немало исследователей занимались и продолжают заниматься изучением особенностей синтаксиса андского диалекта испанского языка (А.Эскобар, Р.Серрон, Г.Гранда, И.Поззи-Эскот, Г.Мерма, Х.Родригес и др.), однако в абсолютном большинстве работ, посвященных данной теме, для описания синтаксического оформления диалекта используется формально-структурный подход. В то же время у лингвистов набирает популярность относительно новый, разработанный по большей части во второй половине XX века, ономасиологический подход к изучению одновременно и глубинного (семантического), и поверхностного (синтаксического) уровней языка. В связи с этим нами было принято решение совершить попытку описания специфики синтаксического устройства андского диалекта испанского языка в контексте рассмотрения ядерной семантической структуры со значением «Обладание», опираясь именно на концепцию исследования лингвистических явлений по направлению «от значения к форме».

Под андским диалектом в настоящем исследовании мы понимаем разновидность испанского языка, распространенную в горных регионах Южной Америки (Анды), простирающихся от северо-запада Аргентины до самого юго-запада Колумбии. На этой территории изначально располагалась империя инков, где основным языком коммуникации был кечуа, после пришествия испанцев ставший языком миссионерства.

Таким образом, уже более 450 лет на одном пространстве сосуществуют испанский язык и языки кечуа и аймара, которые находятся в постоянном и тесном контакте, что и обусловило появление рассматриваемого диалекта, явившегося результатом многочисленных и сложных интерференций [\[1, с. 15-16\]](#)

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что различия в области функционально-семантического синтаксиса в национальных и диалектных вариантах испанского языка практически не изучены и требуют более детального рассмотрения. Исследования в рамках испанистики проявляют в настоящее время большой интерес к изучению специфики национальных и диалектных вариантов испанского языка: одна из ведущих ученых в области диалектологии Н.Ф. Михеева отмечает, что «в отечественной испанистике специальное изучение отдельных диалектов только начинается» [\[2, с. 23\]](#).

Цель настоящего исследования – идентифицировать синтаксические структуры андского диалекта испанского языка, отклоняющиеся от общеиспанской нормы, чтобы затем произвести сопоставительный обзор отличающихся глубинных и поверхностных структур для анализа факторов их формирования и особенностей функционирования в языке.

В соответствии с поставленной целью определяем следующие задачи: дать определение семантической структуре со значением «Обладание», обозначить ее границы, а также проанализировать глубинные и поверхностные структуры современного нормативного испанского языка (*español estándar*), принятого Королевской академией испанского языка (*Real Academia Española*) и служащего в качестве базового нейтрального варианта в нашем исследовании, для выявления регулярных и нейтральных основных видов синтаксических реализаций в рамках рассматриваемого семантического поля для последующего их применения при сопоставительном анализе со структурами, используемыми в андском диалекте испанского языка.

В рамках выполнения поставленных нами задач для отбора репрезентативных примеров из различных контекстов применялся лексико-грамматический поиск на базе нескольких корпусов испанского языка (*Corpus de Referencia del español Actual (CREA)*, *Corpus Diacrónico del español (CORDE)*, *Corpus del Español del siglo XXI (CORPES XXI)*) и испаноязычных источников средств массовой коммуникации, а также были использованы корпусы из исследований различных ученых, занимающихся проблематикой андского диалекта испанского языка. Общий объем репрезентативного материала составил 1500 примеров: современного нормативного испанского языка – 1000 единиц, андского испанского – 500.

В настоящей статье мы прибегаем к целому ряду методов, а именно: методу контролируемого отбора, методу описания, контекстуально-семантическому и функциональному видам анализа, методу дефиниционного анализа, сопоставительному методу, обобщению и методу теоретического анализа и синтеза.

Также представляется важным оговориться, что концептуальную основу нашего исследования составляет «Теория функционального синтаксиса» А.Мустайоки, основной особенностью которой в деле изучения языка является упомянутое выше направление лингвистического описания «от значения к форме» (от семантических структур к языковым средствам выражения) или также известный как ономаσιологический подход [\[3\]](#). Соответственно, определение семантической структуры со значением «Обладание» было взято из таких работ упомянутого ученого, как «Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам» и «Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов», и используется нами по умолчанию в

рамках единой концепции.

В то же время не можем не отметить, что выбор семантической структуры со значением «Обладание» является отнюдь не случайным и обусловлен тем, что именно данное поле представляется одним из наиболее нейтральных и универсальных для всех языков или разновидностей одного языка (национальных и диалектных) ввиду того, что без понятия посессивности не может существовать и функционировать ни один естественный язык.

Наконец, считаем целесообразным заметить, что используемые в данной и следующей главе схемы описания глубинных и поверхностных структур позаимствованы нами у самого А.Мустайоки из работ «Теория функционального синтаксиса от семантических структур к языковым средствам» [3] и «Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов» [4]. Каждый элемент глубинной структуры будет отделяться от другого квадратными скобками и помечаться малыми буквами (например, О – объект, Ps – предикат обладания, Р – посессор), а конstituенты поверхностной структуры будут выражены сокращениями (по типу Сущ. – существительное и т.п.)

Основные средства выражения семантической структуры со значением «Обладание» в современном нормативном испанском языке

А.Мустайоки определяет обладание (Ps) как «нахождение объекта во владении или распоряжении субъекта» [4, с. 127]. Предикат обладания должен отвечать на вопрос «Что имеет Х?» или «У кого находится Y?». Основные элементы данной ядерной семантической структуры представлены глубинным предикатом обладания (Ps), субъектом-посессором (Р) и объектом обладания (О) [4, с. 127]. Кроме этого, как дополнительный элемент порой будет фигурировать локализатор (L).

Предикаты Обладания не локализованы во времени: посессор может обладать объектом постоянно, длительное время или ограниченный период времени [4, с. 127].

Все основные средства выражения обладания А.Мустайоки делит на два типа: а) «конструкции, ориентированные на субъект обладания» и б) «конструкции, ориентированные на объект обладания» [4 с. 128-130]. Это обусловлено тем, что посессор может быть как подлежащим (субъектом), так и дополнением (объектом). Рассмотрим реализации данной семантической структуры на глубинном и поверхностном уровнях в рамках современного нормативного испанского языка.

А) «Конструкции, ориентированные на субъект обладания»

Очевидно, что первыми в данном случае будут посессивные конструкции, выраженные существительным или местоимением в качестве посессоров с глаголами или глагольными сочетаниями обладания, владения (в том числе временного) (*tener, poseer, disponer de, contar con, tener a (en) disposición, alquilar, llevar, traer, mantener* и др.). Объект обладания также выражается или существительным, или местоимением:

· *...asegura el portavoz del PP, Esteban González Pons, "porque mientras **el Grupo Mixto tiene un coche** para cinco senadores, en el PP sólo tenemos uno para 150". (La Razón. 03.12.2001)*

· *En el fondo reconoces que ella es la responsable. A fin de cuentas, **ella posee el manuscrito**. Estás en su casa. (Jorge Volpi. Días de ira)*

· *También **[él] se dispone de un botón de manos libres** para hablar por el micrófono del*

equipo... (El Tiempo. 13.09.1996)

Схема подобной конструкции представляется следующей:

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О

Также добавим, что подобная конструкция может быть дополнена компонентом (локализатором), уточняющим местоположение объекта, которым владеет посессор:

· ***La casa Opelle ha regalado coches y tiene una casa en las afueras de París, donde escucha canciones... (El País. 02.12.1987)***

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О + ([Где])_Л

Кроме этого, объект в виде прямого дополнения в посессии может выражаться в испанском через местоимение:

· ***... el que lo tiene en caja de ahorro se lo quiere llevar. (El País. 17.07.2001)***

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Мест.]_О + [Гл. облад.]_{РS} + ([Где])_Л

Отметим, что посессор в роли субъекта обладания в испанском языке может опускаться, и это является вполне нормативной и регулярной практикой.

Однако кроме глаголов обладания и владения к приведенной выше схеме могут относиться и конструкции «начала и конца обладания». Ситуация обладания может меняться, посессор может переставать быть обладателем объекта или, напротив, становиться им. В связи с этим А.Мустайоки дает классификацию подобного положения дел. Он пишет, что посессор может становиться обладателем предмета в случаях [\[4, с. 134-137\]](#).

1. компенсированного (не)обладания. В испанском языке в этом случае предикат будут выражать следующие глаголы (также могут фигурировать глагольные сочетания): *comprar, adquirir, vender, ganar, intercambiar, permutar, ocupar, prestar* и др.
2. некомпенсированного (не)обладания: *tomar, dar, entregar, transferir, regalar, encontrar, obtener, devolver, recibir, apropiarse, pedir, otorgar* и др.
3. обладания предметом в результате накопления: *acumular, ahorrar, amasar, almacenar, guardar* и др.
4. отчуждения предмета: *quitar, arrebatarse, capturar, conquistar, confiscar, robar, hurtar, apoderarse* и др.

В большинстве случаев употребления конструкции со значением «начала и конца обладания» схема будет следующей:

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О

Также в испанском языке существуют конструкции, в рамках которых глагол «*ser*» или иной подобный глагол, как, например, «*representar*», «*consituir*» и др., сопровождается существительными со значением обладания, владения (*dueño, propietario, accionista, poseedor, titular, arrendatario, inquilino* и др.):

· ***... es un personaje muy conocido en porque es el dueño de un restaurant de la zona... (El Universal. 21.01.1997)***

· **Auggie es el propietario de un estanco en Brooklyn**, especie de ghetto al que acuden subversivos practicantes de un vicio hoy tan mal visto y perseguido en EE.UU... (La Vanguardia. 16.11.1995)

[(Сущ./Мест.)]_P + [Гл._{ser} + Сущ._{облад.}]_{Ps} + [de + Сущ]_O + ([Где]_L)

Кроме этого, представляется важным оговориться, что «обладание, ориентированное на субъект» также может выражаться и локативными конструкциями, состоящих из локализатора, глагола «haber» и самого объекта обладания, а посессором в данном случае выступает локализуемое место или пространство:

· *En esa suerte de comisaría hay un patio, el patio número 3, donde se hacinan los presos que...* (La Voz del Sur. 02.09.2024)

Сложность отнесения конструкций данного типа к семантическому полю обладания зачастую осложняется тем, что многие локативные предложения с глаголом «haber» скорее будут отнесены к семантической структуре со значением «Существование», поскольку, как сам пишет автор концепции, обладание может трактоваться как подкатегория существования, но выносится им в отдельный тип ядерных семантических структур ввиду особого значения посессивности в языке [3, с. 226]. Для отнесения таких конструкций к полю обладания необходимо, чтобы на первый план выходило именно значение принадлежности, как в приведенном выше примере. Напротив, если в предложении описывается ситуация, например, «*En la Universidad hay un professor que...*», то, очевидно, что подобное высказывание не выражает посессивности, а именно существование или что-то иное, определяющееся окружающим контекстом.

Б) «Конструкции, ориентированные на объект обладания»

В случае с «конструкциями, ориентированными на объект обладания» одной из наиболее продуктивных является схема, в рамках которой объект, выраженный существительным или местоимением, согласуется с глаголом «ser», а посессор реализуется через предлог «de», одной из главных функций которого является именно выражение принадлежности, например:

· *Porque yo siempre digo que **esta casa es de todos** y para todos los españoles: de fontaneros, albañiles, toreros, periodistas...* (Cambio 16. 01.10.1990)

[(Сущ./Мест.)]_O + [Гл._{ser}]_{Ps} + [de + (Сущ./Мест.)]_P

Кроме этого, довольно частотными представляются конструкции с тем же глаголом «ser», однако в данном случае посессор выражается притяжательным прилагательным, имеющим в своем значении отношение к какому-то субъекту (*estatal, público, privado, campestre, cervantino* и т.п.), например:

· *... pero como **esta entidad es estatal** y también estará en paro, los cadáveres deberán permanecer en las neveras de los hospitales hasta que se pueda hacer este procedimiento.* (El Tiempo. 11.02.1997)

· **Mi escuela es privada**, pero en ella puede entrar todo el niño que quiere aprender baile, sin problemas... (El Tiempo. 16.07.1990)

[(Сущ./Мест.)]_O + [Гл._{ser}]_{Ps} + [Прил.]_P

Более того, существует схожая конструкция, однако вместо существительного в ней посессор выражен простым притяжательным местоимением вместе с существительным или же отдельным абсолютным притяжательным местоимением:

· **Ésta es nuestra casa, ésta es nuestra ciudad, somos de aquí, no recordamos haber vivido nunca en otra parte.** (Arturo Uslar Pietri. *La visita en el tiempo*)

· **...La selección española es la nuestra", dijo.** *El mundo del ciclismo no está al margen.* (Última Hora Digital. 03.06.2004)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser}]_{Ps} + [Мест.притяж. + Сущ.]_Р

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser}]_{Ps} + [Мест.абсолютн.]_Р

Также распространены конструкции, в рамках которых предикат обладания выражается глаголом «ser» (или другим подобным глаголом) и существительным со значением обладания, владения (*propiedad, posesión* и т.п.), например:

· **Es la propiedad del autor de una canción, de un poema, de una novela que, aunque no sea dueño del disco...** (Lima Gris. 08.04.2020)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser} + Сущ.облад.]_{Ps} + [de + Сущ/Мест.]_Р

Кроме этого, встречаются конструкции с глаголом принадлежности «*pertenecer*» и иными подобными:

Haití pertenece a los haitianos y la solución corresponde a los haitianos... (El Mundo. 26.05.1994)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл.принадл.]_{Ps} + [Сущ/Мест.]_Р

В) Простые притяжательные конструкции

Кроме вышеупомянутых двух крупных групп конструкций, определенных А.Мустайоки, представляется утилитарным в интересах целей нашей работы и проведения последующего сопоставительного анализа ввести дополнительную – «простые притяжательные конструкции». К подобным будут относиться не полноценные конструкции с семантикой обладания, а словосочетания (синтагматические конструкции), которые зачастую вписаны в предложения с предикатами иных видов, но все же сохраняющие внутреннее значение посессивности. А.Мустайоки называет их посессивными конструкциями «в качестве погруженного элемента в атрибутивной позиции» [\[3, с. 228\]](#). Рассмотрим, какое воплощение находят подобного рода притяжательные конструкции в испанском языке.

В первую очередь речь идет о различных типах притяжательных местоимениях, согласующихся с существительными, например:

· **Quienes me conocen saben que me rijo por *mi* propio *criterio*, como demuestra *mi* libro sobre cine fantástico.** (La Vanguardia. 02.02.1995)

· **... esta nueva *casa suya* sería tan grande y lujosa como el palacio del rey.** (Jesús Torbado. *El peregrino*)

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О

[Сущ]О + [Мест.притяж.]Р

Также фигурируют, как и отмечалось выше, прилагательные, имеющие в своем значении отношение к какому-то субъекту (*estatal, público, privado, campestre, cervantino* и т.п.):

· *¿No se arrepiente de los años dedicados a la **universidad pública**?* (*La Vanguardia*. 14.04.1994)

[Сущ]О + [Прил.]Р

Наконец, притяжательная конструкция, в рамках которой отношение принадлежности объекта посессору выражается через предлог «*de*»:

· *Es la **propiedad del autor** de una canción, de un poema...* (*Lima Gris*. 08.04.2020)

[Сущ]О+ [de + Сущ./Мест.]Р

А.Мустайоки верно оговаривается, что подобные конструкции не стоит путать с теми, которые выражают не обладание, а объектно-субъектные функции [3, с. 228], например: ***La muerte de la abuela Florinda*** *supuso un durísimo golpe para Conchi Gladys* (*Alfonso Ussía. Tratado de las buenas maneras II*).

Нет сомнений, что в испанском языке существуют и другие виды выражения семантической структуры со значением «Обладание», нашей целью было только раскрыть основные способы ее реализации, однако представляется уместным заметить, что представленные выше конструкции как минимум на уровне поверхностных структур сходятся с тем, что определяет, например, Саторре Грау в статье «*Formas de expresión de la posesión en el español medieval*», в которой лингвист во введении определяет лексические и грамматические способы выражения посессивности в современном испанском языке [5, с. 794].

Синтаксические конструкции, реализующие семантическую структуру со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка: особенности и факторы формирования

Перед началом сопоставительного анализа считаем необходимым оговориться, что все вышеизложенные синтаксические конструкции, выражающие семантическую структуру «Обладание», и на глубинном (семантическом), и на поверхностном (синтаксическом) также присутствуют и в андском диалекте испанского языка, однако коль скоро в фокусе нашего внимания находится именно специфика синтаксических способов выражения, нами принято решение в рамках данного раздела осветить свойственные исключительно рассматриваемому диалекту конструкции. Их можно разделить на две группы по синтаксическим признакам дифференциации:

- 1) изменение порядка слов в предложении;
- 2) притяжательные конструкции с двойной посессией.

Изменение порядка слов в предложении

Как уже было отмечено во введении, андский испанский представляет собой результат плотного и продолжительного лингвистического контакта испанского языка и индейских языков кечуа и аймара, в результате чего субстрат коренных языков стал катализатором многих видов интерференции, которая, в свою очередь, затрагивает все уровни языка и

особенно синтаксический аспект [6]. Таким образом, в рамках андского диалекта испанский язык перенимает характерные черты языков, которые разительно отличаются от него в структурном и типологическом плане. Один из главных исследователей в данной области А.Эскобар даже подмечала, что кечуа и испанский языки по всем лингвистическим характеристикам являются максимально далекими друг от друга [7, с. 17].

Представляется своевременным отметить, что языки кечуа и аймара обладают базовым порядком слов SOV (subject-object-verb; подлежащее-прямое дополнение-сказуемое), в то время как испанский представляется стандартным языком типологии SVO (subject-verb-object; подлежащее-сказуемое-прямое дополнение). Носители андского диалекта весьма частотно и системно используют перенос синтаксической структуры индейских языков в язык испанский. Таким образом, последний перенимает порядок слов индейских языков, что кардинально меняет его структуру на глубинном и поверхностном уровнях. Рассмотрим примеры из районов, где распространены языки кечуа:

- «...**mi hermano, el pico y la pala lleva**...» [8, с. 206]
- «...**el camión, el durazno lleva**...» [8, с. 206]
- «...**panes, de la panadería hey traído**...» [8, с. 206]
- «...**en lo que estaba distraído, sus cosas le han robado**...» [8, с. 206]

В данном случае перед нами предложения «начала и конца обладания» и общей для них будет следующая схема: [(Сущ./Мест.)_Р + [Сущ./Мест.]_О + [Гл.]_{РS}. Она значительно отличается от выявленной выше и стандартной для современного нормативного испанского [(Сущ./Мест.)_Р + [Гл.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О.

Как пишет Вирхиния Савала, такое изменение порядка слов в андском диалекте является его стабильной характерной чертой и в первую очередь обусловлено билингвизмом говорящих [9, с. 59], которые копируют синтаксическую структуру своего первого (родного) языка и переносят ее в испанский. Считаем любопытным привести некоторые примеры из Вилькечико (Перу), где для большинства местных жителей родным языком является аймара (схема та же):

- «*Dicen que* **ese lugar sirenas tiene**...» [10, с. 251]
- «**Mis jilatas coca traen y chacchamos en la cirimonia del alferadu**» [10, с. 251]

Первое предложение – типичный пример «конструкции, ориентированной на субъект обладания», второй – «начала и конца обладания».

Однако данными примерами тема изменения порядка слов в андском диалекте не заканчивается, поскольку языки коренных народов (кечуа и аймара), хоть и имеют указанный выше базовый порядок слов в предложении, однако все же обладают серьезной вариабельностью на синтаксическом уровне, что также приводит к формированию порядка слов совершенно разных типов (SVO, OVS, OSV) в рамках андского диалекта, что помимо сложившейся традиции переноса синтаксической структуры и билингвизма, может быть обусловлено и факторами информативного (прагматические цели, например, выражение тема-рематических отношений) и экспрессивного характера [11]. Приведем несколько примеров в рамках рассматриваемой

семантической структуры:

· «*todo, mi papá en sus bolsillos guarda*» [\[8, с. 207\]](#)

В данном случае порядок слов принадлежит к типу OSV, а схема получается следующая: **[Сущ./Мест.]_О + [(Сущ./Мест.)]_Р + [Где]_Л + [Гл.]_{Р_с}**, в то время как в нормативном испанском была бы **[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{Р_с} + [Сущ./Мест.]_О + [Где]_Л**.

Возможна и подобная конструкция (относится к типу «начало и конец обладания»):

· «*zapatos y chompa, éstos nomás me han comprado*» [\[8, с. 207\]](#)

В данном случае порядок слов выстраивается по формуле (S)OV, подлежащее опускается. Схема получается следующая: **[(Сущ./Мест.)]_Р + [Сущ./Мест.]_О + [Гл.]_{Р_с}**.

Абсолютное большинство приведенных выше примеров выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте были отобраны исследователями в сельских районах Перу, однако ареал их распространения значительно шире: предложения с таким порядком слов можно услышать и среди городского населения в столице Перу (г. Лима), причем от людей различных социокультурных групп, а употребление в речи подобных конструкций даже входит в норму образованных слоев населения города [8 с. 207].

Кроме этого, Г. Мерма Молина в своей статье приводит данные различных лингвистов о том, что подобный феномен распространен в том числе за пределами Перу: на северо-западе Аргентины и в Боливии [\[8, с. 207-208\]](#).

Притяжательные конструкции с двойной посессией

Еще одной характерной чертой синтаксиса андского диалекта испанского языка представляется весьма частотное использование притяжательных конструкций с двойной посессией, так называемого «двойного посессива» (*doble posesivo*) или же «избыточного посессива» (*posesivo redundante*). Данный лингвистический феномен получил широкое распространение почти во всех латиноамериканских странах (кроме Эквадора и Колумбии), на территорию которых заходят Анды [\[8, с. 197\]](#).

Если, как было обозначено ранее, в современном нормативном испанском языке простые притяжательные конструкции строятся по схеме **[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О** или же **[Сущ.]_О + [de + Сущ./Мест.]_Р**, то в андском диалекте нередки следующие 2 типа синтаксического построения подобных структур:

· «a eso dice que lo ordenó al cura para que traiga a la señorita a **su cuarto del cura**» [\[9, с. 62\]](#)

· «...**su carro de mi hermano**...» [\[8, с. 198\]](#)

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О + de + [Сущ.]_Р

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О + de + [Мест.притяж. + Сущ.]_Р

Или же

· «...**de mi hijo su escuela**...» [\[8, с. 197\]](#)

· «...**de mi mamá su hermano**...» [\[8, с. 197\]](#)

de + [Мест.притяж.]р + [Сущ.]р + [Мест.притяж.]р + [Сущ.]о

Из приведенных выше предложений и схем глубинных и поверхностных структур можно заметить, что в рамках андского диалекта происходит дублирование и соединение в одно притяжательное словосочетание тех синтагматических конструкций, который в современном испанском языке употребляются отдельно и никогда не образуют такого рода синтезированных словосочетаний.

Х.Родригес Гарридо в своей статье подмечает, что употребление структур первого типа ограничивается тем, что они, по его наблюдениям, используются только с местоимением третьего лица в сочетании с другим местоимением, существительным или именами собственными, но все эти элементы должны ссылаться именно на людей. Также в подобных случаях использование третьего лица может обуславливаться вербализацией вежливости по отношению ко второму лицу. В то же время лингвист оговаривается, что по мере распространения конструкций данного типа их узус выходит за рамки исключительно третьего числа и снимает необходимость наличия человека в качестве посессора [\[12, с. 117\]](#).

В тоже время очевидно, что приведенные выше 2 типа словосочетаний структурно отличаются на обоих уровнях не только от нормативного испанского, но и различаются между собой. Чем же обусловлена подобная дихотомия?

Родригес Гарридо, рассуждая об узусе данных словосочетаний в Перу, подмечает, что конструкция первого типа является более распространенной и используется на всей территории протяженности Андских гор. Структуры второго типа не используется в северной части Андских гор и употребляется носителями диалекта, проживающими в южной части горного хребта и в перуанской Амазонии. Причем представляется важным отметить, что узус данных конструкций в Перу разрастается за счет миграции носителей из сельских районов страны [\[12, с. 117\]](#).

Говоря о конструкциях первого типа, представляется любопытным отметить, что многие исследователи объясняли ее формирование влиянием синтаксиса языков кечуа. Например, А.Лосано писал, что подобная структура является следствием переноса кечуанских аффиксов «*ра*» (присоединяется к посессору) и «*п*» (присоединяется к объекту посессии), а также тем, что в этих индейских языках посессор должен стоять перед объектом. Следовательно, в языках кечуа посессивные отношения выражаются сразу двумя аффиксами, а посессор и объект обладания имеют обратную нормативному испанскому последовательность, что, по его мнению, и восполняется синтагматической дубликацией в андском диалекте [\[13, с. 299\]](#). Однако данное объяснение не совсем подходит для конструкции первого типа, поскольку фраза, например, «*hwampa amigap karga*» будет дословно переводиться на испанский «*de Juan su amiga*», что больше подходит для экспликации конструкции второго типа [\[12, с. 118-119\]](#).

Некоторые лингвисты, рассуждая о происхождении обоих видов реализации притяжательной конструкции в андском диалекте испанского языка, задумывались о том, что их существование может быть обусловлено разной степенью билингвизма говорящих [\[14, с. 3\]](#), или же предполагали, что в рамках сложных процессов интерференции,

происходивших ввиду исторического билингвизма районов андского диалекта и постоянного тесного языкового контакта появились новые форм выражения посессии [15, с. 107].

Сам Х. Родригес Гарридо склоняется к объяснению данного феномена посредством аргумента о сохранении в андском диалекте уже ставшей архаичной в современном нормативном испанском языке притяжательной конструкции. Он приводит соответствующие примеры из «*El Cantar de mio Cid*» («*so sobrino del Campeador*», «*sos mannas de los ynfantes*») или же из произведения Диего де Сан Педро «*Cárcel del amor*» («*su cámara de Laureola*», «*su muger de Amed*»), из которых мы можем наблюдать историческое употребление притяжательной конструкции, частотно используемых сегодня в андском диалекте [12, с. 120].

Кроме этого, Родригес Гарридо в подтверждение своего тезиса приводит слова Х.Кенистона, который, изучая испанскую прозу XVI века, заключил, что подобная конструкция была достаточно частотной в испанском языке того времени, однако ее узус обладал ограничениями, заключившимися в исключительности ее употребления только по отношению к 3 лицу единственного или множественного числа или же ко 2 лицу единственного или множественного числа в вежливой форме. Те же самые ограничения, по Родригесу, накладываются и сегодня в отношении подобных конструкций в андском диалекте испанского [12, с. 120; 16, с. 244]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что конструкции первого типа («*su carro de mi hermano*») являются синтаксическим архаизмом, сохранившемся в андском диалекте с XVI века, когда на территорию сегодняшнего Перу начали прибывать испанцы.

Если говорить о притяжательных конструкциях второго типа («*de mi hijo su escuela*»), то, как мы уже пояснили выше, в них происходит своеобразное «калькирование» посессивной структуры кечуа, однако примечательно, что аффиксы, выражающие отношения между посессором и объектом, «*ра*» и «*п*», будучи элементами морфологического уровня, в рамках андского диалекта получают воплощение в притяжательном предлоге («*de*») и притяжательном местоимении («*su*»), становясь единицами синтаксического уровня.

В андском диалекте выделяют и третий тип притяжательных конструкций:

«...**de mí mi mamá** es trabajadora...» [8, с. 198]

«...**de ti tu amigo** es malo...» [8, с. 198]

«...**de mí mi cumpleaños** hemos celebrado...» [8, с. 198]

de + [Мест.личн.]_р + [Мест.притяж.]_р + [Сущ.]_о

Г. Мерма Молина отмечает, что узус притяжательных конструкций с двойным посессивом в андском диалекте не ограничивается только третьим лицом (или 2-ым при выражении вежливости). На приведенных выше примерах можно увидеть, что в подобных структурах фигурируют и первое, и второе лицо, а с синтаксической точки зрения они выделяются необычным даже для двойной посессивности дублированием синтагм обладания за счет и генетивного предлога «*de*», и личного местоимения, и притяжательного местоимения [8, с. 198].

Кроме этого, представляется важным заметить, что подобные притяжательные

конструкции в андском диалекте могут помимо нейтрального выражения посессивности со специфическим синтаксическим строем также выполнять определенные задачи экстралингвистического характера. В рамках своего исследования Р.Риско провела в Буэнос-Айресе (Аргентина) несколько интервью с перуанскими эмигрантами из районов распространения изучаемого диалекта с целью выявления дополнительных функций притяжательных конструкций с двойным посессивом. Ученый проанализировала собранный корпус аудиозаписей, уделяя особое внимание настрою собеседника, тематике разговора и контексту использования рассматриваемых притяжательных конструкций. Выяснилось, что подобные структуры могут употребляться в том числе для того, чтобы: 1) сделать акцент (эмпфаза) на посессоре в коммуникативных целях определенного контекстуального окружения; 2) подчеркнуть важность темы разговора с личной точки зрения или с точки зрения картины мира; продемонстрировать эмоциональную сопричастность с ней; 3) установить микротему дальнейшей дискуссии [17]. Таким образом, можно констатировать, что притяжательные конструкции с двойным посессивом в том числе могут выполнять прагматические, коммуникативные и дискурсивные функции.

Заключение

Сопоставительный анализ синтаксических средств выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» современного нормативного испанского языка и андского диалекта позволил нам выявить значительные структурные расхождения как на глубинном, так и на поверхностном уровне данных языковых вариантов.

Упомянутые отклонения на обоих уровнях обусловлены тем, что в рамках андского диалекта испанский язык перенимает как базовый, так и ситуационный порядок слов из языков кечуа и аймара: вместо привычного языка SVO становится языком SOV, а в некоторых случаях, например, в целях построения необходимых тема-рематических отношений или внесения эмотивной составляющей синтаксическое оформление конструкций может варьироваться от типа OVS до OSV и (S)VO.

Кроме того, значительные трансформации могут происходить и в рамках простых притяжательных конструкций, которые в андском диалекте принимают форму двойной посессии вследствие использования или архаичного способа построения подобных конструкций, или переноса свойственных языкам кечуа и аймара агглютинативных аффиксов с морфологического на синтаксический уровень. Узус подобных конструкций также может объясняться прагматическими, коммуникативными и дискурсивными целями.

Таким образом, можно констатировать, что андский диалект испанского языка представляет собой уникальный лингвистический феномен в рамках испаноязычной диалектологии и является ярким примером продолжительного продуктивного языкового контакта, приведшего к интерференции на самом стойком к изменениям уровне языка – синтаксическом.

Библиография

1. Toro R.A. El español andino. II parte // Forma y Función. 2002. 15. Pp. 15-40
2. Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка: Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006.
3. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010.
4. Мустайоки А. [и др.] Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. Москва: Издательство

Юрайт, 2019.

5. Satorre F. Formas de expresión de la posesión en el español medieval // Actas del IV Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española. Universidad de la Rioja, 1998, 1, Pp. 739-804
6. Stark D. Aspectos gramaticales del español hablado por los niños de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1970.
7. Escobar A.M. Los bilingües y el castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1990.
8. Merma G. Lenguas en contacto: Peculiaridades del español andino peruano. Tres casos de interferencia morfosintáctica // ELUA. Universidad de Alicante. 2004. 18. Pp. 191-211.
9. Zavala V. Reconsideraciones en torno al español andino // Lexis. 1999. 23(1). Pp. 25-85.
10. Gonza M. Análisis del castellano andino de aimarahablantes del distrito de Vilquechico (Puno) // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2020. 68. Pp. 239-257
11. Calvo J.P. Pragmática y Gramática del quechua Cuzqueño. Perú: Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 1993.
12. Rodríguez J.A.G. Sobre el uso del posesivo redundante en el español del Perú. // Lexis. 1982. 6. Pp. 117-123.
13. Lozano A. Syntactic borrowing in Spanish from quechua: The Noun Phrase, Lingüística e Indigenismo. 1975. 297-306.
14. Pozzi-Escot I. Apuntes sobre el castellano de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos. Centro de investigación de lingüística aplicada, 1973.
15. Escobar A. Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978.
16. Keniston H. The syntax of Castilian prose, The sixteenth century, Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1937.
17. Risco R. El doble posesivo en el español andino: un enfoque etno-pragmático // Cuadernos de la ALFAL. 2012. 4. Pp. 97-111

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию специфики синтаксического выражения семантической структуры со значением «обладание» в андском диалекте испанского языка. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что различия в области функционально-семантического синтаксиса в национальных и диалектных вариантах испанского языка практически не изучены и требуют более детального рассмотрения. Отмечается, что «у лингвистов набирает популярность относительно новый, разработанный по большей части во второй половине XX века, ономаσιологический подход к изучению одновременно и глубинного (семантического), и поверхностного (синтаксического) уровней языка», в связи с этим автор(ы) предприняли попытку описания специфики синтаксического устройства андского диалекта испанского языка в контексте рассмотрения ядерной семантической структуры со значением «обладание», опираясь на концепцию исследования лингвистических явлений по направлению «от значения к форме». Выбор семантической структуры со значением «обладание» обусловлен тем, что данное поле представляется одним из наиболее нейтральных и универсальных для всех языков или разновидностей одного языка (национальных и диалектных) ввиду того, что без понятия посессивности не может существовать и функционировать ни один естественный язык.

Теоретической основой исследования выступили труды по теории функционального синтаксиса; грамматическим аспектам испанского языка; межвариантной диалектологии испанского языка; особенностям андского диалекта испанского языка; социолингвистическим вариациям испанского языка в Перу и др. Библиография статьи насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллирует к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью («идентифицировать синтаксические структуры андского диалекта испанского языка, отклоняющиеся от общеиспанской нормы, чтобы затем произвести сопоставительный обзор отличающихся глубинных и поверхностных структур для анализа факторов их формирования и особенностей функционирования в языке») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, обобщение, метод контролируемого отбора, контекстуально-семантический и функциональный анализы, метод дефиниционного анализа, сопоставительный метод и др. Эмпирическим материалом послужили примеры из нескольких корпусов испанского языка (Corpus de Referencia del español Actual, Corpus Diacrónico del español, Corpus del Español del siglo XXI) и испаноязычных источников средств массовой коммуникации, также были использованы материалы из исследований различных ученых, занимающихся проблематикой андского диалекта испанского языка. Его общий объем составил 1500 примеров: современного нормативного испанского языка – 1000 единиц, андского испанского – 500.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проанализированы основные средства выражения семантической структуры со значением «обладание» в современном нормативном испанском языке; рассмотрены синтаксические конструкции, реализующие семантическую структуру со значением «обладание» в андском диалекте испанского языка; проведен их сопоставительный анализ, который выявил значительные структурные расхождения как на глубинном, так и на поверхностном уровне данных языковых вариантов. В заключении сформулированы обоснованные выводы о том, что «андский диалект испанского языка представляет собой уникальный лингвистический феномен в рамках испаноязычной диалектологии и является ярким примером продолжительного продуктивного языкового контакта, приведшего к интерференции на самом стойком к изменениям уровне языка – синтаксическом» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением региональных вариантов испанского языка. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по диалектологии романских языков, лингвострановедению и межкультурной коммуникации.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная. Работа имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна заинтересованному кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».